

Głuszkowski Michał, micglu@umk.pl

Изменения ситуации культурного и языкового острова – польская деревня в Сибири: Вершина на переломе XX-XXI веков, w: А.К. Гадамский (ред.), *Крымско-польский сборник научных работ*, т.8, Symferopol: Universum 2011, s.141-146

Михал Глушковски, Торунь

Изменения ситуации культурного и языкового острова – польская деревня в Сибири: Вершина на переломе XX-XXI веков.

Введение

В многонациональной Сибири до сих пор живут потомки поляков, сосланных в результате репрессий. Менее известным является факт добровольной колонизации Сибири. Уже в конце XIX в. царские власти одобряли и оказывали помощь жителям западных губерний Российской империи переселяющимся на восток. В деревне Вершина в 120 км севернее Иркутска, проживают потомки не ссыльных поляков, а добровольных колонизаторов Сибири. В начале XX в. колонизационные планы премьер-министра П. А. Столыпина совпали по времени с экономическим кризисом Домбровского промышленно-угольного бассейна. Переселенцы получили налоговые льготы, 15 десятин (около 16 га) выделенной земли и бесплатный материал для строительства домов. Транспорт колонизаторов на железной дороге был в 75% оплачен государством. Все действия властей побудили к переезду на восток не только беднейших, но и более зажиточных жителей Домбровского промышленно-угольного бассейна. Желание использовать гарантированные выгоды и пользы, а также охота разбогатеть были столь сильными, что шахтеры обращались непосредственно в Петербург, указывая на свои сельские корни. Они хотели заверить власти, что смогут справиться с работой на хозяйстве. Семьи, принимающие участие в колонизации Сибири, сначала отправили в Иркутск своих делегатов с задачей подыскать подходящие земли, и только потом, в 1910 г., отправились на свое новое место жительства: поле, называемое Трубачеевским участком, расположенное на берегу небольшой реки Ида, которое потом стало Вершиной.

Деревня Вершина (население около 400 чел.) существует до сих пор как польская местность. Ближайшие местности Боханского района, к которому принадлежит Вершина – это Дундай, в котором живут буряты, и Тихановка –

большая деревня обоснованная украинскими колонизаторами Сибири, прибывшими туда в то же время, что и предки сегодняшних вершининцев. Согласно работам, посвященным Вершине, а также высказываниям самих жителей польской деревни, идентичность поселенцев и их потомков укреплялась в оппозиции к бурятам отличающимся от них по внешности, языку, религии, культуре, обычаям и менталитету. Первые столкновения с чужой этнической группой были для жителей Малой Польши и Домбровского бассейна своеобразным культурным шоком, но надо отметить, что взаимные польско-бурятские контакты никогда не были враждебными.

История исследований

До сих пор Вершине посвящено довольно много научных и публицистических текстов, среди которых следует отметить публикации Н. Ананьевой и Ю. Гольцекера (языкознание), Э. Новицкой и А. Висьневской (этнология, социология), Я. Шостака (история), Х. Кралль и А. Лабенец (беллетристика, репортаж), и др.¹ В июле и августе 2008 г. состоялась научная экспедиция научных работников и студентов Университета Николая Коперника, целью которой было изучение языковой ситуации польской билингвальной общины и сопоставление актуальных информации с другими исследованиями, проведенными 20 лет тому назад и раньше. Участники экспедиции за 11 дней собирали языковой материал – около 38 часов записанных интервью у жителей Вершины, а также социолингвистические данные: напр. информации о первичном и вторичном языках, сферах употребления обоих кодов. Собранные материалы пока подвергаются подробному анализу, но некоторые выводы можно сделать на основании уже проанализированного материала.

Периоды жизни общины

¹ M. in. N. Ananiewa, *O polskich gwarach na Syberii: projekt badawczy*, „Acta Baltico-Slavica” 31/2007, s. 25-32; Ю. П. Гольцекер, *Из наблюдений над особенностями польского говора села Вершина в Сибири*, в: „Rozprawy Slawistyczne” 4/1989, s. 133-147; A. Wiśniewska, *Proces kształtowania się i rozwoju tożsamości etnicznej mieszkańców Wierszyny (Syberia Środkowa)*, „Etnografia Polska” t. XLIV, z.1-2/2000, s. 99-114; E. Nowicka, M. Głowacka-Grajper (red.), *Wierszyna z bliska i z oddali: obrazy polskiej wsi na Syberii*, Kraków 2003; A. Łabieniec, *Powtórka z Syberii*, Toronto 2003; H. Krall, *Na wschód od Arbatu*, Warszawa 1972; J. Szostak, *Epitafium pomordowanym przez NKWD mieszkańcom polskiej wsi Wierszyna we Wschodniej Syberii koło Irkucka w 1938 r.*, „Rocznik Historyczny Muzeum Polskiego Ruchu Ludowego” nr 18/2002, s. 221-236.

В истории деревни Вершина и польской общины можно выделить три основных периода времени, обусловленные социально-политической обстановкой. Первый период начался с 1910 г. – даты приезда польских поселенцев в Сибирь. В это время вершининцы строили жилые дома и хозяйственные постройки, разводили животных и приобретали хозяйственные машины. За несколько лет жителям деревни удалось привыкнуть к новым условиям, переселиться из землянок, в которых провели первую зиму, в построенные или купленные от уехавших из Вершины бурят. В 1912 г. вершининцам разрешили построить костел, который был построен в два года². Развитие польской общины и реализация целей, из-за которых переселенцы покинули родную Малую Польшу и Домбровскую Силезию, совпало с Октябрьской революцией и ее последствиями. Благодаря расстоянию в несколько тысяч километров от Петербурга и Москвы, а также специфике сибирской глухомани, вершининцы не сразу были вынуждены считаться с новой политической ситуацией. Их жизни непосредственно коснулась лишь коллективизация тридцатых годов. Раньше они могли функционировать как и в дореволюционное время³. После около 20 лет на новом месте, в 1932 г. в Вершине насильно организовали артель, в которую вступили первые 12 хозяев, кроме земли сдавая также лошади, скот, телеги и сбрую⁴. Для людей, которые покинули родину в поисках лучшей жизни, а потом с большой затратой труда корчевали свои участки земли и очищали их от камней, вынужденная сделка своей земли и имущества в общее пользование становилась трагедией. Хотя теоретически коллективизация являлась добровольной, те, которые отказывались вступать в колхоз, подвергались многочисленным наказаниям: большим налогам, гужевой повинности, конфискациям хозяйственных машин или временным задержаниям⁵. Массовые репрессии 1937 г., а также факт закрытия местного костела (1939) окончательно завершили первый период жизни польской общины в Сибири. В ноябре 1937 г. сотрудники НКВД

² J. Szostak, *Epitafium...*, s. 226-227.

³ A. Wiśniewska, *Proces...*, s. 105-106.

⁴ В. Петшик, *Маленькая Польша в таежной Сибири*, Норильск 2008, с. 14-15.

⁵ Там же.

арестовали, обвинили в приготовлении антисоциалистического восстания и расстреляли 30 жителей Вершины⁶. Загнанные в колхоз и беззащитные против советской власти вершининцы в конце тридцатых годов начали очередной, коммунистический период.

Деревню Вершина 1910-1939 гг. можно описать как языковой остров и, по доступным источникам, а также устным высказываниям информантов, также как культурный остров. Все жители Вершины, независимо от того, где они родились – в Польше, или уже в Сибири, владели польским языком, который являлся повседневным средством общения в деревне. Также с украинскими поселенцами из соседней деревни Тихановка они могли без проблем договориться употребляя свой родной язык. Трудно однозначно определить степень владения вершининцами русским языком, но учитывая факт, что некоторые еще до переезда в Сибирь могли ходить в русскую школу, а практически всем надо было после приезда общаться с царской администрацией и бурятами, можно предположить, что знание русского языка практически с самого начала существования общины было всеобщим. По фрагментарным данным известно, что с самого начала функционирования вершининской школы, т.е. с 1912 г. по 1915-16 г., занятия велись на польском языке⁷. В 1930 г. в рамках борьбы с безграмотностью организовалось обучение взрослых жителей деревни читать и писать по-русски – этот факт подтверждает, что вершининцы говорили по-русски⁸. Несмотря на общее знание русского языка первичным языком вершининцев оставался польский. Под понятием «первичный язык», по Л. Завадовскому, здесь понимаем: язык, передаваемый детям без посредства другого кода и употребляемый в повседневном общении⁹.

Годы 1910-39 можно определить как единственный период времени, когда польская община в Сибири являлась не только языковым, но и культурным островом. Кроме высказываний наших информантов и отрывочных данных в различных работах, посвященных Вершине, главным источником информации

⁶ Там же, с. 37-45; J. Szostak, *Epitafium...*, s. 227-233.

⁷ A. Wiśniewska, *Proces...*, s. 102.

⁸ J. Szostak, *Epitafium...*, s. 228.

⁹ A. Zielińska, *Wielojęzyczność staroobrzędowców mieszkających w Polsce*, Warszawa 2000, s. 22.

о жизни польской деревни является недавно изданная книга В. Петшика «Маленькая Польша в таежной Сибири» - своеобразная хроника общины. Рожденный в 1925 г., коренной житель Вершины и историк-любитель (по образованию агроном), описал свою деревню с внутренней перспективы, посвящая много внимания местным обычаям и традициям. По В. Петшику, в довоенной Вершине хозяева употребляли в поле орудия, построенные по польскому стилю, ездили на польских фургонах, за работой пели польские припевки, которые запомнили с детства, молились по-польски в римско-католическом костеле и соблюдали польские праздники¹⁰. Конечно, жители Вершины не изолировались от своих соседей – бурятов, общаясь с ними и принимая элементы их культуры, например, двуколку, которой правили стоя, или своеобразный самогон из молока – тарасун. «Взамен» поляки научили бурятов выращивать картофель¹¹. Несмотря на культурный обмен, количество и значимость сохраняемых элементов культуры предков придают силу положению о существовании польского языково-культурного энклава среди других национальностей Сибири в первые три десятилетия существования деревни Вершина.

Второй период в жизни польской общины относится к 1939-91 гг. Конечную дату определяет год повторного открытия костела, символизирующий измененное после Перестройки и распада СССР отношение властей к религии и национальным меньшинствам. В годах 1939-91 Вершина стала похожа на другие сибирские деревни. В 1940 г., согласно решению властей сселять жителей отдаленных хуторов в большие деревни в Вершину переехали жители хутора Одигон¹². Из-за новых поселенцев – русских, коллективизации, а также политической чистки 1937 года, деревня потеряла много признаков своей прежней специфики. Во время Великой Отечественной войны вершининцы служили на фронте и работали в тылу, а после войны – работали в колхозе, как и миллионы сельских жителей Советского Союза. Костел был закрыт и только

¹⁰ В. Петшик, *Маленькая Польша...*, с. 12; 15; 28; 31-32, и др.

¹¹ L. Figura, *Historia i terażniejszość polskiej syberyjskiej wsi* w: E. Nowicka, M. Głowacka-Grajper (red.), *Wierszyna z bliska...*, s. 71-132.

¹² В. Петшик, *Маленькая Польша...*, с. 19.

благодаря героизму некоторых вершининцев удалось спасти его здание, которое районные власти сначала пытались разрушить, а потом превратить в региональный музей. За 50 с лишним лет роль вероисповедания как фактора поддерживающего польскую национальную идентичность, подверглась значительному ослаблению; в начале девяностых годов XX века жители Вершины практически забыли все молитвы на польском языке и значение католических праздников, а также, в многих случаях, утратили потребность в религии. Об их польском происхождении свидетельствовала лишь культивация некоторых традиций, знание польских народных песен и факт всеобщего владения польским языком, хотя и оно ослабилось из-за увеличения количества смешанных польско-русских семей, говорящих дома всё чаще на русском языке.

Последний период – с 1991 года по сегодняшний день можно определить как своеобразное возрождение польского характера деревни, но сомнений в действительном направлении этого процесса довольно много. С одной стороны, в 1991 государственные власти разрешили повторно открыть костел, в котором богослужение ведётся каждое воскресенье и по праздникам. Власти разрешили также возобновить обучение польскому языку в начальной школе в Вершине и в средней школе в соседнем Дундае, где учится вершининская молодежь¹³. В Вершину всё чаще приезжают польские экскурсии, единичные молодые люди учатся в польских вузах, функционирует Польский дом (клуб и библиотека) и фольклорный ансамбль «Яжумбек»¹⁴. С другой стороны, несмотря на то, что практически все богослужения в последнее время отправляет сам Епископ Иркутской епархии, в костеле трудно встретить более 20 человек. Хотя у детей и молодежи есть возможность науки языка предков в школе, на коммуникативном уровне польским языком владеют только те, кто говорит по-польски дома, в повседневных разговорах с членами семьи и соседями. Члены польской общины никогда особо не изолировались от других национальностей Сибири, но когда из-за атеизации постепенно терял свою роль конфессиональный фактор, ограничивающий внешние, межгрупповые браки появилось много смешанных

¹³ A. Wiśniewska, *Proces...*, s. 110.

¹⁴ L. Figura, *Historia...*, s. 112-125.

польско-русских семей, в которых лишь старики свободно говорят по-польски. Конечно, существуют активные группы сплочённые вокруг прихода и Польского дома, но их деятельность не охватывает всех жителей деревни.

Состояние польского языка в начале XXI века

Исследователи языка польских жителей Вершины – Ю. Гольцекер и Н. Ананьева в своих текстах старались определить местности, из которых происходили предки их информантов – Олькуш, Заверце, Блендув, Загуж и др.¹⁵ Наблюдаются некоторые фонетические черты, типичные говорам Малой Польши и Силезии, например удлинение долгих гласных, так этимологических, как и образованных путем аналогии, (u < ō k'uiŋa < k'on'a; rub'ota < rob'ota; o < ā nos < nas)¹⁶. Орфофоническая окраска речи вершининцев оказывается близкой польскому литературному языку¹⁷. Ю. Гольцекер приводит многочисленные примеры заимствованных русских лексем в разных стадиях адаптации, напр. rug'ała s'eŋ, roŋ'uły, useŋ'ik а также некоторые гибридные формы: ucy's'elka = учительница + nauczycielka, m'ensor'upka = mięso + мясорубка¹⁸. Наблюдения нашей экспедиции в июле и августе 2008 года подтверждают вышеупомянутые данные.

В доступных научных работах, посвященных польскому языку в деревне Вершина, авторы не занимались графией. Только некоторые жители Вершины читают и пишут по-польски – для большинства польский является исключительно устным языком, а польские слова записывают при помощи русского алфавита – гражданки. Способы транслитерации составляют очень интересный исследовательский материал и предоставляют уникальные информации о языковой ситуации общины. Тексты записанные вершининцами, например сборники песен ансамбля «Яжумбек», являются единственной фиксацией местного языка кроме материалов собранных научными работниками.

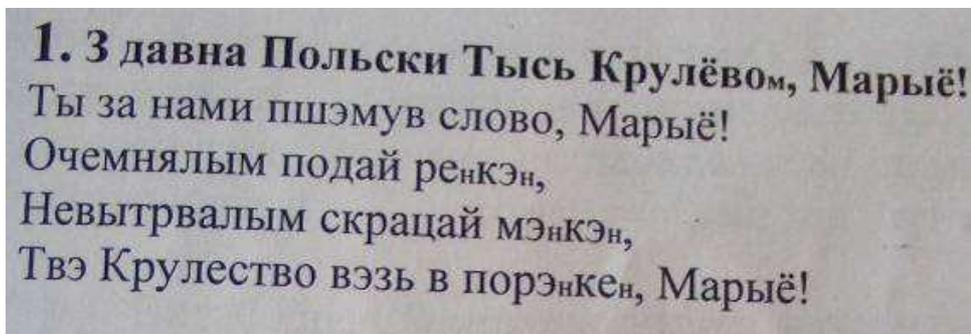
¹⁵ N. Ananiewa, *O polskich gwarach...*, s. 26-29; Ю. П. Гольцекер, *Из наблюдений...*, s. 136; Ю. П. Гольцекер, *Тексты из села Вершина (Иркутская область)*, w: J. Rieger (red.) „Studia nad polszczyzną kresową” t. VI/1991, s. 209-210.

¹⁶ N. Ananiewa, *O polskich gwarach...*, s. 30; Ю. П. Гольцекер, *Тексты...*, s. 210.

¹⁷ Ю. П. Гольцекер, *Из наблюдений...*, s. 138.

¹⁸ Там же, с. 141.

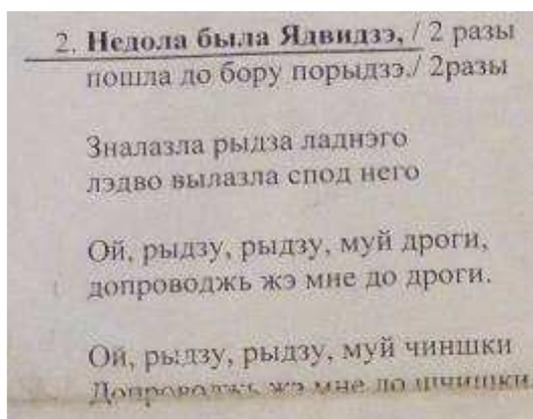
На фотокопии № 1 представлен текст из сборника религиозных песен. Он мог быть написан одним из священников или учительницей – отражение мягкого согласного *ś* как *ч* и носового гласного как *эн* и *ен* обнаруживает неплохое филологическое приготовление автора.

1. З давна Польски Тысь Крулёвом, Марыё!
Ты за нами пшэмув слово, Марыё!
Очемнялым подай ренкэн,
Невытрвалым скрацай мэнкэн,
Твэ Крулество вэзь в порэнкэн, Марыё!

Фотокопия № 1

На фотокопиях №2 и №3 – фрагментах ксерокопии со словами народных песен из репертуара ансамбля «Яжумбек» можно заметить некоторые упрощения записи, вызванные отсутствием фонетической нормы; существование текстов только в устной форме и лишь спорадические попытки их фиксации способствуют умножению вариантов и отдалению от первичной версии. На фотокопии № 2 видно графическое отождествление фонем /ś/ i /š/ – записанных как *ш* (чиншки - *ś'inski*; шчишки – *šc'iški*), в то время как на фотокопии № 3 /ś/ отражается как *щ* (в костельных песенниках /ś/ на письме обозначен буквой *щ*, ближайшим по произношению кириллическим эквивалентом польской буквы).

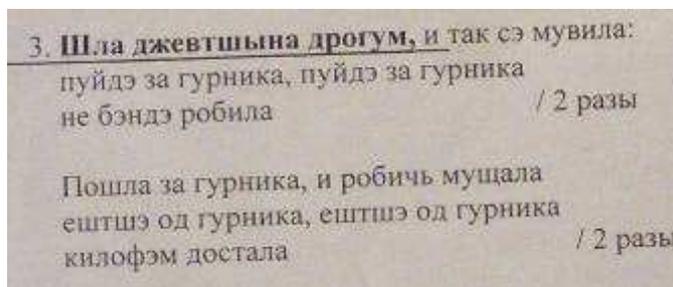
2. Недола была Ядвидзэ, / 2 разы
пошла до бору порыдзэ, / 2 разы

Зналазла рыдза ладнэго
лэдово вылазла спод него

Ой, рыдзу, рыдзу, муй дроги,
допроводжь жэ мне до дроги.

Ой, рыдзу, рыдзу, муй чиншки
Допрыводжь жэ мне до шчишки.

Фотокопия № 2

3. Шла джевтшына дрогум, и так сэ мувила:
пуйдэ за гурника, пуйдэ за гурника
не бэндэ робила / 2 разы

Пошла за гурника, и робичь мушала
ештшэ од гурника, ештшэ од гурника
килофэм достала / 2 разы

Фотокопия № 3

Можно предположить, что значение слов не всегда известно пишущим. Передаваемые с поколения на поколение песни повторяются автоматически. На фотокопии № 2 видно соединение слов во второй строке *пошла до бору по + рыдзэ*

> *порыдзэ* (пошла в лес за рыжиками). О том, что описанный пример является именно ошибкой, вытекающей из непонимания значения слов, а не простой опечаткой, свидетельствует многочисленность таких случаев. В. Петшик в своей книге иллюстрирует реляцию о значимой роли лошадей в жизни вершининских поляков словами песни:

*Виыстке коне ладнэ,
Но и ладнейши Щивы
Пшепльнул ензеро,
Не умочал гжывы!
Виыстке коне ладнэ,
Но и ладнейши Каштан
Пшепльнул ензеро,
Подковэцком тиаснол!¹⁹*

Здесь слово *pojładń'ejşy* (пол. *najładniejszy* – красивейший), которое по принятым В. Петшиком правилам транслитерации должно быть записано *нойладнейши*, разделяется на три части *но и ладнейши*.

Очередным источником для исследований графии вершининских поляков является местное кладбище и надгробные надписи. Лишь на немногочисленных плитах можно увидеть надписи латинским алфавитом – около 95% польских могил составляет разнообразные примеры транслитерации²⁰. Всеобщее употребление имен вместе с отчествами, кириллический алфавит надписей, а также стаканы, тарелки и бутылки на могилах свидетельствуют о значимой русификации символического пространства кладбища и погребальной обрядности жителей Вершины.

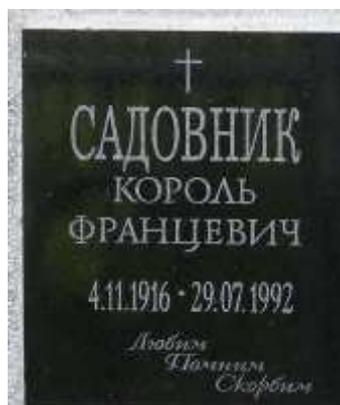
Выводы

За почти 100 лет своего существования Вершина испытывала разные времена. Совпадение многих факторов: истекающего времени на новом месте, относительной культурной близости с русскими и украинцами, отсутствия потребности изоляции, а также ослабление конфессионального фактора, привело к постепенной ассимиляции вершининских поляков с их окружающей средой. Ассимиляции способствовал также факт крестьянского происхождения

¹⁹ В. Петшик, *Маленькая Польша...*, с. 31.

²⁰ Замечательный пример записи польского имени *Karol* представляет надгробная плита К. Ф. Садовника с надписью: *САДОВНИК Король Францевич*. Произошла контаминация почти омофонов – польского [k'arol] и русского [ka'ol'] – см. фотокопия № 4.

польских переселенцев, проявляющих национальное самосознание в меньшей степени, чем ссыльные люди – в значительной части дворянство²¹. Эволюция общины от языково-культурного острова, через насильно приспособляемую к советской жизни колхозную деревню, к смешанной польско-русской деревне, пытающейся возродить свою идентичность, отражалась также в языковой ситуации Вершины. В настоящее время нельзя определить Вершину как культурно-языковой остров, но также термин языковой остров является некоторым злоупотреблением. Трудно прогнозировать будущее деревни, но если не обнаружатся новые факторы, противодействующие полной ассимиляции с окружением, по всей вероятности наступит языковой сдвиг²². Такими факторами могут быть: вероисповедование и активность возрождающегося прихода, а также польские экскурсии приезжающее в Вершину в поисках сибирского энклава польского народного характера – стимулирующие развитие своеобразного агротуризма. Однако, независимо от характера эволюции вершининской общины в ближайшие годы, языковая ситуация деревни требует дальнейших исследований.

Фотокопия № 4

Михал Глушковски, Торунь

Изменения ситуации культурного и языкового острова – польская деревня в Сибири: Вершина на переломе XX-XXI веков.

Аннотация: Жители Малой Польши и Домбровской Силезии поселились в деревне Вершина, в 120 км севернее Иркутска в начале XX века. За сто лет истории общины изменялась ее политическая, экономическая, языковая и

²¹ Ср. N. Ananiewa, *O polskich gwarach...*, s. 25; E. Nowicka, *Antropologiczny opis czy antropologiczna wizja*, „Przegląd Polonijny” R.30 Z.1/2004, s. 9-11.

²² По У. Вайнрайху под термином «языковой сдвиг» понимаем: в двуязычном обществе полную замену одного языка другим.

культурная ситуация. В статье рассматриваются взаимоотношения национальной и культурной идентичности жителей Вершины и характера их билингвизма.

ключевые слова: языковой остров, культурный остров, двуязычие, меньшинство, Сибирь, миграция, ассимиляция, идентичность

Michał Głuszkowski, Toruń

Zmiany sytuacji wyspy językowej i kulturowej – polska wieś na Syberii: Wierszyna na przełomie XX/XXI wieku.

Streszczenie: Mieszkańcy Małopolski i Śląska Dąbrowskiego osiedlili się w Wierszynie – wsi znajdującej się ok. 120 km na północ od Irkucka, na początku XX wieku. Przez sto lat historii wspólnoty zmieniała się jej polityczna, ekonomiczna, językowa i kulturowa sytuacja. W artykule rozpatrywane są relacje narodowej i kulturowej tożsamości mieszkańców Wierszyny i charakteru ich dwujęzyczności.

słowa kluczowe: wyspa językowa, wyspa kulturowa, dwujęzyczność, mniejszość, Syberia, migracja, asymilacja, tożsamość

Michał Głuszkowski, Toruń

Changes in the situation of a cultural and language island – a Polish village in Siberia: Vershina at the turn of the 20th and 21st century.

Summary: People coming from Little Poland and Silesia had settled in Vershina – a village located 120 km Northwards from Irkutsk, in the beginning of the 20th century. During one-hundred-year history of the community, its political, economical, language and cultural situation was changing. The author is considering the relationships between Vershina's inhabitants' national and cultural identity on the one side and their bilingualism characteristics on the other.

key words: language island, culture island, bilingualism, minority, Siberia, migration, assimilation, identity